

ПЁТР ТКАЧЕНКО

НА РУИНАХ ВЕЛИКИХ ИДЕЙ...

*Над мировой чепухой,
Над всем, чему нельзя помочь...*

Александр Блок.

Вот, оказывается, почему русская литература теперь столь настойчиво, бесцеремонно и беспощадно вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. В своих вершинных творениях глубоко христианская и православная, она постигает то, что большинству людей пока неочевидно и неведомо. И в этом смысле она – пророческая, так как объясняет то, что происходит в действительности, помогает человеку выбраться из-под глыб всевозможных духовных, мировоззренческих, идеологических и пропагандистских напластований. Она помогает человеку уберечься в этом жестоком и беспощадном мире и, прежде всего, спасти свою душу среди немилосердных сил зла.

А потому обществу потребления она не только не нужна, но и противопоказана, враждебна, ибо подрывает его хлипкие устои, обнажая его убожество и ничтожество. Она не нужна упрощённым позитивистским, материалистическим воззрениям, отрицающим духовную природу человека, для которых жизнь человеческая всего лишь “способ существования белковых тел, существенным моментом которого является обмен с внешней средой” (Ф. Энгельс). При непрременном условии, конечно, что за литературу мы не выдаём всё писанное, подчас торопливо и бездумно, подверженное всевозможным внешним влияниям, рабски повторяющее понятия распространённые и устоявшиеся, но нередко ложные. Но лишь то, что, “не мысля гордый век забавить” (А. С. Пушкин), называет вещи этого мира их истинными именами, помня, что *в начале было Слово*.

Когда 15 апреля 2019 года в Париже горел собор Парижской Богоматери, это было воспринято как зловещее знамение, как знак и символ, как пророчество о нашем дне. Как закат и гибель европейской цивилизации, умаляющей человека, а то и дерзающей обойтись без него. Цивилизации, столь долгое время остававшейся для многих образцом и эталоном. Но поскольку с этим так трудно было смириться и так не хотелось в это верить, то лукавый разум тут же поспешил представить это несчастье не как дело рук человеческих, вне зависимости от того, умышленный ли это поджог или непроизвольное возгорание, а как некое стихийное, природное явление и как конец света. Но не как неизбежный результат отступления, отпадения человека от своей духовной природы, не как возмездие ему.

Да, в общественном сознании давно сложилась своеобразная традиция: духовные и социальные потрясения представлять как катаклизмы природные, находящиеся вне человека, с ним никак не связанные. Велик соблазн — следствие принять за причину, тем более, когда эти катаклизмы — “Скифы” — наглядны, и “Скифы” ужасны. Но наиболее чуткие души и проницательные умы в этот соблазн не впадали, даже когда поминали эти катаклизмы. Как в поэме А. Блока “Скифы” землетрясения соотнесены с общественными потрясениями: “И дикой сказкой был для вас провал // И Лиссабона, и Мессины!” И в его же поэме “Возмездие”:

*Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рёв машины,
Кующей гибель день и ночь.*

Гибель человеку грозит вовсе не от природных катаклизмов (хотя, конечно, когда они случаются, многие в них погибают), а от деятельности самого человека. Ведь “стихия” в мире поэта является той незримой закономерностью и неизбежностью, по которым свершается жизнь человеческая и народная. И весь вопрос состоит в том, в какой мере “в согласии со стихией” живёт человек...

При лицезрении пожара собора Парижской Богоматери пришло поразительное понимание того, что он давно был предвиден и предсказан — и не только Виктором Гюго. И пожар, и крах той цивилизации, которую символизировал и олицетворял этот собор. Скажем, в стихотворении Николая Гумилёва “Франции”:

*О, Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.*

*Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамёна —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племёна.*

*...И твой весёлый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.*

*И ты стоишь обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,
Тебе спасительнее брони.*

*Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ,
Там не посмеет изувер
Плясать на зареве пожарищ.*

*И если близок час войны
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.*

*...Твоя война — для нас война.
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней, звонкой, как струна,
Целить запёкшиеся раны.*

*Что значит в битве алость губ?
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже.*

Это стихотворение выражает не только расхожее представление периода Первой мировой войны, участником которой был Николай Гумилёв, но и то, опять-таки расхожее, представление о Франции и Париже, которое владело умами и душами многих его современников, жило как безусловно положительная величина в образованной части общества. Был такой величиной, даже, можно сказать идеалом, Париж и для Н. Гумилёва. Это подтверждается и фактами его биографии. Только получив аттестат зрелости в гимназии, он в двадцатилетнем возрасте оказывается в Париже. И тянула его туда не страсть к наукам и образованию, а, как видно по всему, страсть к путешествиям, к экзотике. Свадебное путешествие с Анной Горенко (Ахматовой) он совершает, конечно же, в Париж... И позже, уже в июле 1917 года он оказывается в Париже, в составе Экспедиционного корпуса – вплоть до того времени, когда этот корпус перестал существовать.

Париж для Гумилёва был символом свободы, цивилизации, прогресса, наконец, литературного и житейского “успеха”. Его современник, поэт И. Анненский так и писал о его книжке “Романтические цветы”: “Лучшим комментарием к книжке служило слово *Париж* на её этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем”. Что-то вроде знака качества, несомненной и безусловной положительной оценки. Неуёмная же страсть Н. Гумилёва к экзотике и путешествиям, следование эстетическим программам привело к тому, что Александр Блок назвал нежеланием “иметь тени представления о русской жизни и жизни мира вообще”...

Но коль Франция и Париж – не реальные, а их символы и образы – являются для нас главной духовной ценностью, эту “Францию”, этот “призрак сна” надо защитить любой ценой, несмотря на то, что она уже “бедная” и “убогая”, лишь “яд мечтаний”, “осуждена к паденью”. Потому что наши сны – её сны, (“с твоей блуждающею тенью”), с тем, что уже не существует. Это уже не существующее надо защитить даже ценой собственной гибели: “Лишь через наш холодный труп // Пройдут враги, чтоб быть в Париже”. Признание обречённости “Франции” и того, что её, прежней, уже нет, и в то же время защита её любой ценой, даже ценой собственной гибели – это, конечно, свидетельство того, насколько крепко в человеке живут те или иные убеждения, что они так легко, как одежда, не сбрасываются.

Надо полагать, это и есть главная духовная и цивилизационная задача, стоявшая перед нами, выраженная в стихотворении Николая Гумилёва “Франции”. И “защитили” этот “призрак сна” ценой революционного крушения собственной страны, ценой гибели миллионов людей. Из такой системы ценностей другого исхода и быть не могло, так как в ней не находилось места собственной стране и своему народу.

Как ни крути, но получается так, что Николай Гумилёв оказался выразителем того политического курса, который вверх Россию в войну и привёл к революционному крушению страны. Было ли такое “патриотически” ангажированное представление в литературной среде единоклубным? Нет, конечно. Припомним стихи Якова Полонского, посвящённые Аполлону Майкову:

*Поверь, не нужно быть в Париже,
Чтоб к истине быть сердцем ближе,
И для того, чтоб созидать,
Не нужно в Риме кочевать.*

Но более пронизательные умы не в том, чтобы лечь костями за Францию, видели цивилизационную задачу и наше предназначение, так как не это было основным смыслом и содержанием тогда происходившего в мире. Не послушное и рабское следование “призраку сна” и слияние с ним, а совсем противоположное, давнее и неизменное, пушкинское: “Иль нам с Европой спорить ново?..”

В мире и с Россией происходило совсем не то, что отразилось в апологетике Николая Гумилёва, а прямо противоположное, воплощённое в “Скифах” Александра Блока:

*Вы сотни лет глядели на восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!*

*Вот — срок настал. Крылами бьёт беда,
И каждый день обиды множит,
И день придёт — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!*

Поразительно, как полярно и противоположно понимали современники происходящее в мире... Современник Н. Гумилёва А. Блок в то же самое время писал о том, что Франция — самая немusыкальная страна в мире — заполонила своими звуками весь мир. Под “музыкой” так же, как и под “стихией”, поэт понимал ту духовную крепость и цельность, с которыми только и может свершаться жизнь человеческая и народная. Но теперь-то, век спустя, после всех катастроф и трагедий XX века, ввиду новой нешуточной конфронтации в мире мы можем вполне определённо сказать, кто из поэтов выразил отвлечённый “призрак сна”, а кто — реально происходившее в жизни.

Но откуда у Н. Гумилёва эта отвлечённость и эта блажь? Она вовсе не нова в российском обществе, в среде людей образованных, как сказали бы сегодня, в элите. Он лишь покорно, рабски её повторяет: “Нет никакого сомнения, что Париж — в настоящее время главный очаг социального движения в мире, что его салоны — привилегированные центры изустной мысли нашего века; несомненно также, что в наши дни идеи и умы именно в Париже ищут и получают свои венцы, патенты и ореол” (П. Я. Чаадаев в письме к Сиркуру, 1845). А зародилась она с неверия в свой народ и в собственную страну, когда вдруг уверовали в то, что “бедная Россия заблудилась на земле” (П. Я. Чаадаев). И не просто уверовали в это, а попытались навязать обществу сознанию эту ядовитую догму как нечто “передовое” и “прогрессивное”. Из неверия в народ проистекает и сомнение в его вере. А отсюда — предпочтение для России католицизма вместо Православия. И вместо веры и Бога — “тайна времени”, “вселенский разум”, “вселенский дух, парящий над миром”, которые П. Я. Чаадаев пытался внушить А. С. Пушкину. Ну, а коль предпочтительнее “католицизм нового времени”, то “истина времени” представляет собой “нечто подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует Сен-Симон в Париже” (П. Я. Чаадаев). Словом, все пути вели в Париж. Там и нигде более может пребывать истина. Мироустройство просвещённым россиянам представлялось без России, ведь “бедная Россия заблудилась на земле”... Такой вот интеллектуальный блуд, который с некоторым кокетством П. Я. Чаадаев выразил в письме А. Х. Бенкендорфу: “Я пишу к государю по-французски. Полагаясь на милостивое ваше ко мне расположение, прошу вас сказать государю, что, писавши к царю русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал. Это новое тому доказательство, что в письме своём говорю его величеству о несовершенстве нашего образования. Я сам живой и жалкий пример этого несовершенства”.

Ну, какой же может быть патриотизм, если, согласно таким “просвещённым” убеждениям, он — низкое чувство и бедствие. Обращение к патриотизму недопустимо, ибо “это направление умов представляется мне истинным бедствием”. И ясно почему. Потому что мир, по убеждению мыслителя, шёл к единству, братству и “единомыслию людей”: “Все народы братались, и все местные и географические отличия стираются”. Действительно ли мир после Отечественной войны 1812 года, во времена П. Я. Чаадаева и во время Первой мировой войны, во времена Н. С. Гумилёва шёл именно туда, об этом ничего положительного сказать решительно невозможно.

Но теперь мы вправе задать вопросом: что же это за убеждения, которые не позволяли различить истинный смысл и значение происходящего? Их природа проступает довольно ясно. Это пренебрежительное отношение ко всему своему, родному и предпочтение ему чужого и случайного, не выходящего ни из духовной природы человека, ни из особенной жизни своего народа, ни из его истории.

И, уж коль мы говорим о пророчестве русской литературы, то должны задаться вопросом: что это за убеждения и воззрения, которые не только не в состоянии ничего предвидеть, но “пророчествуют” о прямо противоположном: “Спора нет, бури и бедствия ещё грозят нам; но уже не из слёз народов возникнут те блага, которые им суждено получить; отныне будут лишь случайные войны, несколько бессмысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам”. (П. Я. Чаадаев. Письмо А. С. Пушкину. 7 июля 1831).

В. Соловьёв в статье “Первый шаг к положительной эстетике”, опубликованной в первом номере “Вестника Европы” за 1894 год, высказал и “обосновал” абсолютно сходную мысль: “При таких огромных вооружениях и при таком чрезвычайном обострении национального соперничества и вражды – такая небывалая нерешительность начать войну! Всякий невольно чувствует и понимает, что при нынешней всесторонней *связности* между различными частями человечества невозможно будет локализовать вооружённое столкновение и что небывалая громадность сил по численности войск и смертоносности вооружений представит войну во всем её ещё никогда прежде не виданном ужасе и сделает нравственно и материально невозможным её повторение. Значит, одно из двух: или, несмотря на весь милитаризм, война всё-таки не начнётся, или же, если начнётся, то будет *последнею*... Милитаризм съест войну. Вооруженные политические усобицы между нациями прекратятся, как прекратились постоянные усобицы их между отдельными внутри страны областями и городами”.

Представление, тоже считавшееся “передовым” и “прогрессивным”. Но пройдёт каких-то десять лет, и начнётся русско-японская война. А ещё через десять лет разразится Первая мировая война. Две страшных мировых войны сотрясут человечество в железном революционном XX веке. Да и прекратились ли усобицы внутри стран? Новый XXI век отмечен не только бесконечными локальными военными конфликтами, но и некой общей расстроенностью, сделавшей мир зыбким.

В таком случае, что же это за тип сознания, приводящий мир в такое нестабильное состояние, не прозревающий истинной сути происходящего, не способный к предвидению в принципе, поработанный своими мифами, не способный распознать реальный ход событий? Видимо, этот тип сознания, так называемый “прогрессистский”, содержит в себе некий изъян, не позволяющий ему делать этого. И такой “изъян” в философии В. Соловьёва обнаруживается. Это отречение от самосознания народа в угоду какому-либо отвлечённому идеям, которое проистекало, как совершенно очевидно, из странного убеждения в том, что национальность в человеке есть “сила, дифференцирующая и разделяющая”, а значит, якобы препятствующая, мешающая нашему продвижению по пути прогресса. А потому национальность должна быть каким-то образом изъята: “Нравственный долг требует от народа, прежде всего, чтобы он отрёкся от этого национального эгоизма, преодолел свою природную ограниченность, вышел из своего обособления”. То есть, совершенствование человека предлагалось не через самопознание, а минуя его. Предлагался не мир единый в своём многообразии, а просто единый, как казарма или тюрьма. Предлагалось новое, “просвещённое”, но всё то же вавилонское строительство.

Таким образом, единичность человека и самобытность народа приносилась в жертву всемирности, причём невозможной. Не равновесие и неравнозначность самобытности и всемирности, а господство последней как якобы более драгоценной. В этом состоял соблазн всякого рода “глобализаций”, теперь уже проверенный трагическим опытом... Но такое убеждение приводило, по сути, к неразличению мира. В основе же его было отрицание духовной природы человека. А отсюда неизбежно проистекало и отрицание народа, его самобытности и его бытия...

Но поразительно, как это примитивное представление, не приводящее к предвидению, устойчиво, повторяется в неизменности, даже на уровне текстуальных совпадений, несмотря на произведённые им разрушения! Нынешний председатель Счётной палаты Российской Федерации Алексей Кудрин предлагал России отказаться от “национального эгоизма” (текстуальное совпадение с В. Соловьёвым), национального суверенитета. Задавать тон, мол, должны “ведущие”, в смысле “цивилизованные” страны, а пользоваться им

будут другие государства, которые присоединяются к более развитым партнёрам... Если это представление, писанное почти сто тридцать лет назад, траченное молью, проверенное трагическим опытом, вновь как в ни в чём не бывало повторяется, что это, как не интеллектуальное ничтожество?..

Известный экономист Валентин Катасонов справедливо прокомментировал это суждение Алексея Кудрина: “Это вопрос уже уголовно-правовой, есть соответствующие статьи УК РФ, которые подобного рода заявления квалифицируют как госизмену... Я думаю, что это уже скорее вопрос к прокуратуре”.

Важно отметить, что вновь предлагаемое “обустройство России” абсолютно повторяет прежние разрушительные догматы. И это даёт надежду на его обречённость.

Но были ли тогда и в последующем иные представления, не столь упрощённые и наивные? Были, всегда бывают, как правило, беспощадно забываемые такой вот “прогрессивистской” схоластикой. В связи с этим вспоминается поистине уникальный “документ” — докладная записка министра внутренних дел России Петра Николаевича Дурново, поданная им в феврале 1914 года Николаю II, в которой он убеждал царя любой ценой предотвратить войну, предсказывая крушение государства: “Россия будет ввергнута в беспросветную анархию”. П. Н. Дурново был приговорён левыми террористами к смерти... А всё произошло по писанному.

Непонимание своего народа, несправедливое принижение своей страны, убеждение в том, что “мы действительно сбились с своего естественного пути”, к предвидению и пророчествам не приводят. Точнее об этом не скажешь, чем словами А. С. Пушкина в его знаменитом письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: “Нет сомнения, что Схизма отделила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясали, но у нас было своё особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”.

Надо отдать должное П. Я. Чаадаеву: его суждения иногда были и справедливы. Как в том же письме Сиркуру 1845 года: “Да, вторжение западных идей — идей, отвергаемых всем нашим историческим прошлым, всеми нашими национальными инстинктами, — вот что парализовало наши силы, извратило все наши прекрасные наклонности, исказило все наши добродетели, наконец, низвело нас почти на ваш уровень. Итак, мы должны вернуться назад, должны воскресить то прошлое, которое вы так злобно похитили у нас...” Особенностью мыслителя было то, что об одних и тех же явлениях он высказывал порой прямо противоположные суждения. А потому из них можно выстроить, и выстраивают, какую угодно концепцию, внешне правдоподобную.

Когда я с ужасом смотрел на пылающий собор Парижской Богоматери, мне вспоминалось не только стихотворение Николая Гумилёва, но и стихотворение нашего современника, выдающегося поэта Юрия Кузнецова (1941–2003). Стихотворение, написанное почти сорок лет назад, в 1980 году:

*Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.
Мы поскачем во Францию — город
На руины великих идей.*

*Мы дорогу найдём по светилам,
Хоть светила сияют не нам.
Пропылим по забытым могилам,
Прогремим по священным камням.*

*Нам чужая душа — не потёмки
И не блеск Елисейских Полей.
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.*

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решетом...
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.*

Почему “кроме нас не оплачет никто”? Потому что:

*Мы любим всё — и жар холодных чисел,
И дар божественных видений.
Нам внято всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

“Изувер”, как и ожидалось, не посмел “плясать на зареве пожара”. Видимо, всё-таки уразумел, понял, что горит не только собор, не только “старый мир”, но горит и он сам, вышколенный и пропитанный этим цивилизованным “миром”: “Результат получился странный и неожиданный, но, в сущности, совершенно правильный. Западники начали с поклонения перед Европой и кончили тем, что стали отрицать формы европейской жизни, ибо стали отрицать вообще всякие сложившиеся формы, всякую историю... Они так понаторели в отрицании форм русской жизни, довели свои приёмы в этом деле до такой остроты и тонкости, что потом и западная жизнь не могла устоять перед этим изошрённым оружием” (Н. Н. Страхов). Писано это, как понятно, задолго до “конца истории” нашего времени.

Собор, разумеется, восстановят. Ведь с невероятной быстротой собраны для этого средства. Только не восстановить “руины великих идей”. Впрочем, в этом нет необходимости. Почему в стихотворении Юрия Кузнецова *Франция — город, а не страна*, как вроде бы должно быть? Потому что это тот город, который стал строить Каин, отпав от Бога. Да ещё и обвинивший Бога в том, что Он гонит его от себя: “Вот Ты изгоняешь меня днесь от лица земли” (Бытие, 4:14). Но Бог не изгоняет Каина. Более того, Он спасает его, положив на него знамение, печать. Каин — “не только имя собственное, но обозначение некоторой духовно-исторической общности”, существующей всегда (Е. А. Авдеенко. “Тема “Каин” в современном мире”, М., Класис, 2014).

Что же нам следовать тем, кто “не усомнился вычеркнуть жизнь русского народа из истории всемирного развития”, тем более, что “европейское просвещение приносит на нашей почве скудные и уродливые плоды” (Н. Н. Страхов)? Насаждаемое кнутом и мечом, а потом бездумным и безотчётным обезьянничеством, оно, во многих мере, определило нашу государственную судьбу и наш нравственный облик, несмотря на приносимые им на нашу землю войны. А теперь принесло и руины. Ведь в какой мере благотворным было для нас это “просвещение”, мы не знаем, так как перед нами нет итогов непросвещения. А коль идеалы и “сны” у нас были общими, общей оказалась и разруха. Прежде всего, в умах и душах.

Нам же теперь предстоит осознать, что их руины — это не только предмет сострадания, а то, что это наши общие руины. А потому теперь нам быть и печалиться на руинах не чьей-то, а своей собственной жизни.